

Татьяна Артемьева

ПРОБЛЕМЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ¹

Он до сих пор верит в существование истины...
Из рассказа сына-студента о своем преподавателе

Обращаясь к интеллектуальной истории, мы видим, что она фиксирует и описывает различные процессы движения идей. Следуя авторитету гегелевской модели истории философии, можно представить этот процесс развивающимся в соответствии с логикой самих идей, что делает присутствие мыслителя, продуцирующего эти идеи или размышляющего над ними, каким-то необязательным дополнением к саморазвитию Абсолютного духа. Таким образом, мы сразу попадаем в противоречивую ситуацию, объясняя процесс порождения и распространения идей, независимым от людей, непосредственно в него вовлеченных, как если бы мы объясняли в терминах непорочного зачатия процесс реального рождения младенцев. Даже если предположить, что один из текстов появился в завершённой и скрижальной форме без участия автора, а один из младенцев родился в результате непорочного зачатия, это не означает, что данное правило распространяется на все остальные тексты и младенцев. Почему бы не ввести грубую акушерскую методологию и не перестать морочить голову бедным детям капустой и магазином, где, якобы, продаются братики и сестрички. Может быть, идеи и зарождаются непорочно, но распространяются уж точно в результате коммуникативных актов.

Проблемы различных видов, типов, способов социальной коммуникации, осмысление этого процесса и анализ результата являются одними из самых востребованных в современной социологии. Само понятие имеет довольно широкую амплитуду колебаний от достаточно четкого социологического термина в рамках тех или иных направлений до метафоры, обозначающей не только межсубъектное «общение вообще», но и сам процесс обращения идей в виде знаний, мнений, различного рода информации по сложной инфраструктуре культуры.

Обращение к справочной литературе мало проясняет спектр использования этого термина, хотя его употребление в научной литературе обычно

¹ Исследование поддержано грантом РФНФ 07-03-00601а.

не связано ни с какими затруднениями. Так часто бывает с каким-либо понятием, чрезмерно перегруженным смыслами, как, например, «утопия» или «душа». Поиски в *Новой философской энциклопедии* (*Новая философская энциклопедия* 2001), в промежутке между «коммунизмом» и «конвенционализмом», разумеется, не дали ничего, кроме статей о «коммуникации в науке» и «коммуникации массовой», не проясняющих общего смысла, хотя, вероятно, это понятие и не философское (а «коммунизм» – философское?). Поэтому, как всегда, пришлось обращаться к проверенной Британике, давшей лаконичное и абстрактное определение. Коммуникация – это «the exchange of meanings between individuals through a common system of symbols»² (обмен смыслами между субъектами через общую систему символов).

Обозначить сферу распространения понятия вовсе не означает представить себе, как оно работает в той или иной теоретической системе. Определения ничего не проясняют, напротив, заставляют все глубже погружаться в трясину уточнения смыслов, не говоря уже о выяснении того, что такое «смысл» в данном контексте. Поэтому покаившись в том, что данное понимание ни в коей мере не претендует на окончательный и категориальный статус, я хочу взять его за основу, тем более, что собираюсь совершить еще больший грех, а именно, использовать социологическое понятие в области, где ему вовсе не место, – в истории философии, рассмотренной в контексте истории идей. Так как я собираюсь говорить преимущественно о движении идей, то буду использовать термин «интеллектуальная коммуникация», пока еще не ангажированный ни философами, ни социологами.

Как справедливо отметил Никлас Луман, говоря об «имманентной невероятности» коммуникации, непонятно, как вообще можно говорить о коммуникации, раз каждый из ее компонентов (информация, сообщение, понимание) является случайным, необязательным и неоднозначным (Луман 2005, 7-8). Тем менее понятно, как можно говорить об «интеллектуальной коммуникации» как трансляции и распространении философских идей. Но ведь мы точно знаем, что идеи не только возникают, но и искажаются и(ли) усваиваются учениками, опровергаются недругами, воплощаются в жизнь последователями. Как же это происходит? Как же вообще движутся идеи? И возможно ли это в принципе?

Интерпретация процесса движения идей в терминах теории коммуникации, разумеется, притягивает нас к земле прямо из небесных сфер. Благодаря Платону мы, конечно, знаем как движутся идеи в небесных сферах. Но вот как идеи путешествуют по времени, преодолевают лингвистические пороги, мировоззренческие барьеры, классовые и социальные

² «communication» Encyclopædia Britannica 2006. Encyclopædia Britannica Premium Service. <http://www.britannica.com/eb/article?tocId=9109625>, 1.01.2006.

стереотипы, эпистемологические препятствия (*obstacles épistémologiques* Г. Башляра) мы представляем себе не очень хорошо.

Можно предположить, что Аристотель и Поппер читали Платона порозному. И не только в силу критического отношения последнего, но и потому, что сам тип коммуникации между текстом и читателем изменился. Ведь любой текст существует в системе идейных контекстов, сумма которых возрастает, по мере временной отстраненности. Я не знаю, происходит ли это по ньютоновской формуле, описывающей тяготение, но очевидно, что платоновский текст порождает и неоплатонический и антиплатоновский контекст, не говоря уже о различных вариациях и интерпретациях платоновских идей в сочинениях, так или иначе пребывающих вне этих направлений. Таким образом, для каждого из последующих поколений читателей будет умножаться (или сокращаться, по мере утраты актуальности) опыт предшествующих поколений, сопровождаемый традициями понимания и(ли) непонимания, принятия и(ли) отторжения, преклонения и(ли) осмеяния.

Коммуникация читателя с автором происходит обычно через текст. И то, насколько адекватно, полно, актуально будет прочитан текст зависит не только от автора, но и от читателя. Читатель может уничтожить текст, не удостоив его своего внимания, может вычитать из него гораздо больше, нежели туда было вложено автором, может не понять, или исказить. Невозможно только одно – адекватное восприятие и точная передача, то есть полная идентификация с автором. Отождествление себя с автором не только иррационально, как интеллектуальное клонирование (зачем нужны толпы напичканных цитатами умников, которые не в состоянии породить собственную мысль, когда любой может и сам прочитать любимых классиков?), но и невозможно теоретически, ибо в отличие от физического двойника, двойник-идея тотчас же соединится с основной идеей. Так была бы незаметна тень тени на самой этой тени.

Текст может послужить также не источником информации, а своеобразным катализатором новых идей, его чтение – быть медитативной техникой, побуждающей читателя к размышлениям, провокативным стимулом, заставляющим опровергать «неверные» положения и формулировать «истинные». В данном случае речь идет о самооценности интеллектуальной коммуникации, порождающей нечто отличное от обмена информацией, а именно – новое знание.

Почему же возникает потребность в такой коммуникации, ведь очевидно, что далеко не всегда она проистекает из потребности узнать что-то новое, иногда она связана скорее с желанием это новое сообщить, или создать.

Читая Платона, Аристотеля или Спинозу, мы совершаем акт темпоральной коммуникации, так как воспринимаем идеи прошлого, но в то же самое время это и актуальное коммуницирование, ибо именно обстоятельства настоящей нашей жизни (даже если мы просто готовимся к лекции) заставляют нас искать чего-то в Спинозе или Платоне. Можно читать Платона по-гречески, можно в переводе. Можно вычитывать Платона из текстов и комментариев, скажем, А.Ф. Лосева, не обращаясь к текстам самого Платона вовсе. Все это опосредованная интеллектуальная коммуникация, и некорректно было бы заявлять, что какая-либо из перечисленных более или менее адекватна. Как мы лучше разглядим милые черты – на фотографии или же чуть различимыми на скрывающемся из глаз морском берегу?

Актуальной коммуникации может быть противопоставлена также потенциальная; как не состоявшаяся, но возможная, она направлена в будущее и может пережить автора. Непрочитанные рукописи находят своего читателя и через много лет и становятся достоянием общества. Не всякая потенциальная коммуникация может осуществиться. Тупиковая коммуникация представляет собой не могущее быть прочитанным послание и исчезает в пламени небытия вместе с рукописью второго тома *Мертвых душ*.

Коммуникация может носить условный характер. Так, сближение или сравнение концептуальных моделей разных мыслителей исследователем или потребителем их творчества предполагает гипотетический диалог текстов не могущий реализоваться в социальной практике коммуникации, но вполне возможный в ее интеллектуальном измерении.

Коммуникация может быть симметричной или асимметричной, предполагая равнозначный или неравнозначный контекст. Интеллектуальная коммуникация совсем не обязательно носит иерархический или поучающий характер. Есть тысяча причин читать те или иные книги, каждая из которых может быть весьма далекой от желания чему-то из них научиться или научиться совсем не тому или не совсем тому, что в них написано. Так в далекие советские времена большой популярностью пользовались книги, посвященные критике современного буржуазного искусства, так как это был практически единственный способ о нем хоть что-то узнать.

Тогда же, в 80-е годы, я получила задание написать «текстовку» для выступления одного комсомольского лидера. Я была совершенно далека от какого бы то ни было идеологического дискурса и комсомольского задора. Поэтому, не зная с чего начать, я заказала в Публичной библиотеке кучу брошюр, изданных комсомольскими комитетами разных уровней, разу-

меется, вовсе не для того, чтобы поднять свой интеллектуальный ценз или постичь какой-либо смысл. Я выписала ключевые слова, прикинула частоту их употребления в ритуальных текстах и расположила на странице примерно в такой же конфигурации и с той же частотой. Затем я заполнила чистые пространства листа различными общими высказываниями, которые содержали бы ключевые слова или служили бы связками между предложениями, содержащими таковые, включила во вступление и заключение цитаты из очередного выступления партийного лидера и получила текст как две капли воды похожий на настоящий, в качестве которого он впоследствии и был использован. В данном случае я исходила не из содержания исходных текстов. Основанием, объединяющим все эти тексты был язык, на котором совершалась коммуникация и на котором я должна была заговорить, чтобы быть принятой в качестве спичрайтера в определенное сообщество. Впоследствии я неоднократно использовала данную методику для написания отчетов, аналитических справок и отзывов на диссертации по темам, для которых содержание не имело большого значения, а смысл заключался в ритуальном употреблении цехового языка.

Подозреваю, что многие книги читаются именно таким образом, — для того, чтобы усвоить ключевые слова и говорить с определенным типом сообщества на одном языке, то есть исключительно в целях коммуникации. В зависимости от того, в какой круг общения собирается вступить читатель, тексты могут носить идеологический, литературный или философский характер. Таким образом, интеллектуальная коммуникация не только передает информацию, но и формирует (или поддерживает) некое интеллектуальное сообщество. В определенном смысле все типы сообществ основаны на разных типах коммуникаций, однако в данном случае нас интересуют лишь интеллектуальные коммуникативные сообщества.

Такие сообщества обычно имеют сетевую структуру, существующую независимо от привязок их членов к определенной системе государства, общества, их национальной, половой и возрастной принадлежности. Содержание коммуникации в данном случае имеет второстепенную роль, более того, слишком высокий уровень оригинальности текстов, пусть это будет даже исключительность и гениальность, используемых в качестве коммуникационных посланий лишь затрудняет коммуникацию, так как делает ее нестандартной. Попробуйте наклеить на конверт вместо марки стодолларовую купюру и опустить в почтовый ящик. Боюсь, что письмо вернется обратно, без купюры, разумеется.

Таким образом, интеллектуальная коммуникация необходима, прежде всего, для формирования и поддержания интеллектуаль-

ного сообщества. Именно этому способствуют циркулирующие внутри нее тексты, имеющие форму переписки, книг и статей, публичных выступлений или же частных разговоров. Этот тип коммуникации формирует общепринятый для данного сообщества язык, тип поведения, систему ценностей, организуя сетевую структуру. Одним из ярких исторических примеров может служить понятие *invisible college* (невидимый колледж), введенное Робертом Бойлем, и обозначавшее неформальную группу ученых, образовавших позже Лондонское Королевское общество. Невидимый колледж был противопоставлен «видимому», или организованным группам ученых, существовавшим при британских университетах. В современный лексикон понятие «невидимого колледжа» как обозначение неформальных и зачастую интернациональных научных сообществ вошло благодаря американскому историку и социологу науки Дереку де Солла Прайсу (Price 1963).

Другой пример – *La République des Lettres* (Республика ученых) – тип виртуального междисциплинарного сообщества интеллектуалов Нового времени, связанного лишь системой коммуникации. Это сообщество не было противопоставлено социализированной системе научных сообществ, а иногда, как это было в XVII-XVIII вв., предвляло или поддерживало существующую систему научных институтов. Иногда бывало и наоборот, когда сам научный институт поддерживал существование виртуального сообщества, как это было, например, с Петербургской академией наук, оплачивавшей корреспонденцию своих сотрудников и тем самым способствовавшей активизации переписки.

В.П. Елизаров (Елизаров 2000), автор обстоятельной статьи, описывающей Республику ученых, прежде всего как коммуникационную систему, и даже обративший внимание на то, что этапы ее развития были детерминированы совершенствованием почтового сервиса, отмечает, что границы пространства, в котором она существует, задаются следующими параметрами: «коммуникационным механизмом», «структурой организации социальных связей», «конфигурацией идентификационных полей» (Елизаров 2000, 104). Елизаров отмечает, что в начале XVII века переписка в силу простоты и доступности использования почты стала частным делом и создала предпосылки для усиления коммуникаций вне силовых линий государственных или коммерческих интересов. Именно это могло сделать центром коммуникационных пересечений фигуру М. Мерсенна (Елизаров 2000, 110), значение которого вне контекста его оживленной корреспонденции с ведущими интеллектуалами его времени неизмеримо меньше.

Мерсенн являлся модератором интеллектуального сетевого сообщества и реализовал множество задач, поддерживающих и стимулирующих общение. Он распространял по Европе научные новости, организовывал

конкурсы, режиссировал дискуссии (Елизаров 2000, 123). Позже подобную роль выполнял Фридрих Мельхиор Гримм, объединявший и организовывавший представителей интеллектуальной и правящей элиты XVIII в. Сетевое сообщество, поддерживавшееся Гриммом, не ставило задачей выработку научного знания. Оно, скорее, формировало атмосферу международного салона, в котором статус определялся интеллектом. Став модератором сообщества просвещенного нобилитета, Гримм значительно повысил и свой социальный статус. Известный исследователь эпохи Просвещения Александр Строев отмечает:

Письма помогли Гримму преуспеть, получить дворянство и разбогатеть. В начале пути его, сына скромного пастора из Регенсбурга, почитали в Париже вестовщиком и шелкопером. Эпистолярный жанр принес ему титул, награды, чины, пенсии и ренты, сделал бароном, послом, действительным статским советником, кавалером ордена Святого Владимира второй степени. (Строев 2004)

Гримм прославился как автор *Литературной корреспонденции* (*Correspondance litteraire, philosophique et critique*) представлявшей из себя рукописную газету рассылаемую им видным европейским правителям (среди которых была и Екатерина II), желавшим быть в курсе литературной и художественной жизни Европы. Кроме того, он вел активную частную переписку, в первую очередь с Екатериной II, став доверенным лицом императрицы и дипломатическую переписку в качестве секретаря миссии, а затем посланника Саксен-Готского двора в Париже и полномочного посланника России в Гамбурге, Бремене и Любеке (Строев 2004).

Международное единство дворянской интеллектуальной элиты поддерживалось сетевыми корреспондентскими структурами, фокусами которой были деятели типа Гримма или Вольтера (кто бы знал этого философа если бы он был только автором *Метафизического трактата* или *Основ философии Ньютона*), но не только ими. Большое значение имели издательские корпорации, объединявшие группу авторов и формировавшие общественное мнение. Наиболее ярким примером является издание знаменитой французской энциклопедии – *Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers*. В своей знаменитой книге *Великое кошацье побоище и другие эпизоды из истории французской культуры* (Дарнтон 2002) известный американский историк Роберт Дарнтон показывает отчего именно Энциклопедия Дидро и Д'Аламбера так повлияла на мироощущение интеллектуалов XVIII века и стала символом эпохи. Ведь были и другие солидные издания, например, *Dictionnaire de Trévoux* (1704); J.H. Zedler, *Grosses vollstaendiges Universal-Lexicon aller Wissenschaften und Kuenste* [...] (1731-1750).; J.G. Kruenitz, *Oekonomisch-technologische Enzyklopaedie*

(1773-1858), причем последние намного превышали объем французской энциклопедии, составляя соответственно 64 и 242 тома. Наконец, вторая половина XVIII века ознаменовалась появлением *Британской энциклопедии*.

Исследуя историю публикации и распространения *Encyclopédie*, Дарнтон показывает, что это издание никогда не было «просто книгой», которую читают для того, чтобы получить новое знание (Darnton 1979) в обычном смысле этого слова. Дарнтон нашел в Невшателе большой архив Типографического общества (50 000 писем), занимавшегося изданием *Encyclopédie*, и выяснил как эта книга продавалась, кто ее покупал и зачем. Швейцарский городок Невшатель был идеальным местом для издания книг, которые не могли печататься во Франции. Его маргинальное географическое положение вблизи таких стран как Франция и Германия (в XVIII в. он принадлежал Пруссии) давало возможность так называемым типографическим кампаниям (*sociétés typographiques*) заниматься издательским делом более или менее свободно. С XVI века запрещенные во Франции книги печатались здесь. Цензура, монополии парижских книгопродавцев, бюрократический контроль государства заставляли философов публиковать свои работы вот в таких кампаниях (Darnton 1979, 39).

Société typographique de Neuchâtel (STN) не специализировалось на книгах для интеллектуалов, а издавало все, что могло принести доход – книги о путешествиях, по медицине, истории, праву и т.п. Но было очевидно то, что Просвещение может приносить прибыль, и поэтому издательский дом способствовал популяризации философских книг и, в особенности, *Энциклопедии*. Она и была одним из наиболее продаваемых изданий, вокруг которого концентрировались обсуждения контрактов, пиратство и война за рынок. Можно сказать, что производство и продажа *Энциклопедии* носили более капиталистический характер, чем в других случаях, так как прибыль получалась не столько от торговых наценок, сколько от оборота. Этот механизм позже был хорошо описан Э. Золя в романе *Дамское счастье*. Владелец универмага нового типа разоряет своих конкурентов, так как продает товары дешевле. Он получает меньший доход за каждую проданную вещь, но, учитывая быстрый оборот, имеет большую прибыль. То же происходило и с продажей *Энциклопедии* за исключением того немаловажного факта, что быстрый оборот такого специфического товара как *Энциклопедия* способствовал распространению идей Просвещения, а, стало быть, подготавливало новых читателей.

Энциклопедия продавалась во всем мире. Издатели говорили, что примерно 3/4 тиража идет за границу, и хотя, скорее всего, они преувеличивали, география распространения труда французских просветителей была впечатляющей.

Дарнтон обратил внимание на то, что Энциклопедию далеко не всегда приобретали для чтения, а тем более для чтения внимательного: несколько подписчиков были просто неграмотными. Это издание носило не столько информативный, сколько символический характер. Можно сказать, что Энциклопедия материализовала Просвещение, служа его манифестом и памятником одновременно. В Энциклопедии искали не столько информации, сколько философии, «нового мышления».

Французская энциклопедия собрала вокруг себя целое созвездие французских философов и ученых. Кроме Д. Дидро и Д'Аламбера в ее издании приняли участие П. Гольбах, Вольтер, Ж.Ф. Мармонтель, Ж.Ж. Руссо, А. Тюрго, Ш.Л. Монтескье и др. Однако не столько энциклопедические статьи высокого уровня делали Энциклопедию столь привлекательной, сколько общий принцип, положенный в ее основание и сформулированный Дидро в «Проспекте» и «Предварительном рассуждении издателей». Дидро пишет о том, что первым шагом к созданию энциклопедии является составление «генеалогического древа всех наук и всех искусств, которое показывало бы происхождение каждой отрасли наших знаний, их взаимную связь на общем стволе и позволяло бы нам припоминать различные статьи по их названиям» (*Философия в „Энциклопедии“ Дидро и Даламбера* 1994, 44). За основу Дидро берет знаменитую классификацию наук Бэкона, сформулированную им в трактате «О достоинстве и преумножении наук». Бэкон соотносит виды знания с тремя духовными способностями человека: памятью (*memory*) во воображением (*imagination*) и разумом (*reason*). Памяти соответствует история, воображению – поэзия, а разуму – философия, которая понимается Бэконом как наука вообще. Эта схема полностью принимается Дидро, но развивается им в соответствии с его рационалистическими и антиклерикальными установками. Все сферы знания, включая теологию и даже Священное писание, подчиняются у него философии. Просвещенческое древо знания, выращенное Дидро, принципиально отличается от иных, произрастающих, как выразился Дарнтон, в «лесу символов упорядоченного знания» (Дарнтон 2002, 230). Это отличие заключается главным образом в том, что стволом, из которого произрастает густая поросль ветвей и листьев, является философия, в то время как предшествующие классификации сакрализовали само знание, предполагая, что оно носит универсальный, вечный и неизменный характер.

Вряд ли можно усматривать в предложенном подходе лишь антиклерикальный и антирелигиозный пафос противопоставления теологии и философии, хотя секуляризация познавательных принципов была существенной чертой: «новая *Summa* преобразовала познание, отобрав его у духовенства

и передав в руки преданных Просвещению интеллектуалов» (Дарнтон 2002, 245).

Подход просветителей выражает не столько содержательный, сколько методологический подход, так как философия представляла собой прежде всего философский метод, то есть определенный способ универсализации.

Уже в XIX веке французская *Энциклопедия* утратила свое символическое значение и превратилась из орудия познания мира в памятник ушедшей эпохи, в то время как другие, гораздо более скромные, издания становились все более востребованными и актуальными. Одно из них – *Британская энциклопедия* (См. подробнее: Артемьева 2003). Задуманная как национальное и коммерческое издание, она стала международным справочником, одним из наиболее авторитетных в современном мире.

Энциклопедические проекты XVIII века были тесно связаны с породившей их культурой, с особенностями национального просвещения в этих странах. Если *Encyclopédie* является одной из высших точек французского Просвещения, то *Encyclopaedia Britannica* отражала ряд специфических черт эпохи Просвещения в Британии, а если быть более точным – в Шотландии.

В XVIII веке шотландская культура испытывала мощный подъем. Во многом это было спровоцировано унией с Англией 1707 г. и объединением парламентов. Политика стала прерогативой Лондона, в то время как интеллектуалы Эдинбурга смогли сосредоточиться на духовной жизни. Активизировалась работа старейших в Британии шотландских университетов, исследований в области естественных наук, философии и истории. Шотландская интеллигенция, большей частью университетские профессора и юристы, называвшие себя *literati*, объединялась в различные клубы и общества, где обсуждались проблемы будущего Шотландии и новые возможности, открывшиеся в связи с объединением с Англией. Шотландскими мыслителями разрабатывался новый тип идентичности – идеология *Britishness*. Шотландия чувствовала себя не провинцией могущественной империи, но ее необходимым элементом – Северной Британией.

Издание *Британской Энциклопедии* было инициативой шотландских ученых и издателей, причем инициативой частной, не инспирированной никакими официальными организациями. Оно начало осуществляться в конце 60 гг. в Эдинбурге, родном городе издателей, которыми были гравер Эндрю Белл (Bell) (1726-1809) и печатник Колин Макфаркар (Macfarquhar) (1745-1793). Издатели были воодушевлены примерами словаря П. Бейля и французской *Энциклопедии*. В качестве редактора был приглашен Уильям Смелли (Smellie) (1740-1795), также уроженец Эдинбурга.

В отличие от французской *Энциклопедии*, *Британника* отличалась религиозной терпимостью и была нацелена не столько на ниспровержение старого и провозглашение нового знания, сколько на спокойное изложение устоявшихся положений. Впрочем, в Шотландии интеллектуалы и никогда не противопоставлялись служителям церкви, а последние играли самую активную роль в реализации просветительских идей и идеалов. Так, например, видным религиозным деятелем Пресвитерианской церкви был известный историк, ректор Эдинбургского университета У. Робертсон (1721-1793).

Британская энциклопедия имела явно выраженный национальный характер, что видно даже на примере философских статей. В них использовались сочинения преимущественно британских авторов Ф. Бэкона, Д. Локка, И. Ньютона, Д. Бальфура, У. Дерема, из «галльских» (*gallic*) было сделано исключение лишь для Бюффона, Вольтера и некоторых текстов французской *Энциклопедии*. Статьи по «электрицизму» были основаны на работах Б. Франклина.

За несколько лет своего существования *Британника* сильно изменилась. Из компилятивного трехтомника она превратилась в солидное многотомное издание, знакомящее с передовыми достижениями науки и техники. Направление ее эволюции дает возможность проследить эпистемологические установки и ценностные доминанты энциклопедизма как социального феномена, его связь с национально-культурными реалиями.

Сравнивая великие энциклопедические проекты эпохи, можно заметить их особенности и принципиальные различия. Французская *Энциклопедия* стремилась заново осветить и описать все возможные направления и проявления «наук, искусств и ремесел», оставшись историческим памятником великой, но уходящей эпохи. *Британская энциклопедия*, задумывавшаяся эдинбургскими издателями как компилятивное и коммерческое издание, стала международным справочником, одним из наиболее авторитетных в современном мире. Она начиналась скромно, но постепенно завоевала стабильно-лидирующее положение в мировой науке. *Британника* стремилась не к оригинальности, но к фундаментальности. Это во многом определило ее успех.

В России аналогичным примером может служить деятельность издательского дома Н.И. Новикова, сыгравшего значительную роль в формировании идеологии российского Просвещения. Этот издатель выпустил около десяти с половиной сотен названий книг, в полтора раза больше, чем было выпущено за всю первую четверть XVIII века. Он популяризовал произведения отечественной и западной литературы, науки и философии, выпускал источники по русской истории, издавал журналы (в том числе первый детский журнал в России *Детское чтение для вкуса и разума*,

первый в России журнал мод *Модное ежемесячное издание или Библиотека для дамского туалета*). Им был осуществлен масштабный проект исторических публикаций (*Древняя российская вивлиофика*), а также реализован ряд филантропических мероприятий, одним из средств реализации которых было «Дружеское ученое общество». В.О. Ключевский писал о нем:

Н.И. Новиков собственно не писатель, не ученый, ни даже особенно образованный человек в духе своего времени; по крайней мере сам он не признавал себя ни тем ни другим, ни этим, хотя он писал, даже хорошо писал и издал много ценного научного материала и своею деятельностью много лет привлекал к себе сочувственное и почтительное внимание всего образованного русского общества. Настоящим своим делом он считал издательство; на типографию и книжную лавку положил он лучшие силы своего ума и сердца. Типография, книжная лавка – это не просвещение, а только его орудия. Но именно как издатель и книгопродавец, Новиков сослужил русскому просвещению большую службу, своеобразную и неповторенную... повел свое дело так, что в его лице русский издатель и книгопродавец стал общественною, народно-просветительною силою [...] (Ключевский 1913, 249-250)

Просветительская деятельность Н.И. Новикова была неотделима от его масонской активности. В российском масонстве XVIII в. мы также видим еще один сетевой срез, позволяющий анализировать систему интеллектуальной коммуникации в России. Именно в той среде распространяются идеи неоплатонизма и мистицизма, с одной стороны, а с другой, – социального утопизма.

Иные типы сообществ представляют члены ученых сообществ или академических институтов. Помимо генетической общности структур и дисциплинарного соответствия европейских университетов и характерного для них поддержания определенной однородности, начиная от броуновского движения студентов и профессуры в средневековых университетах, кончая Болонской декларацией с ее «академической мобильностью» и соотносимостью учебных программ, для них характерна однородность понятийных структур и общность языка, доходящая в эпоху господства школьной латыни до полного академического единства.

Рискну высказать еретическое мнение, предположив, что академическая среда консервативна по своей природе и не способствует, а скорее тормозит развитие науки, так как поощряет не свободные и независимые научные исследования, а соответствие (обще)принятым (или утвержденным государством в лице соответствующих министерств) программам или методикам. Академическая наука квантуется по кафедрам и учебным курсам, в то время, как реальное движение мысли пребывает в пространстве

научного направления и междисциплинарного поиска. Именно поэтому в университетской среде недостаточно продуцировать новый текст, пусть даже и гениальный, необходимы определенные механизмы, присваивающие ему статус академически ценного. Этот механизм может иметь характер личных связей, быть опосредованным академической конкуренцией и поддержкой «своих» партнеров по производству научного капитала, как особого рода *символического капитала*, в том смысле, в котором об этом пишет Пьер Бурдьё (Бурдьё 2005). Это верно не только для естественной науки с ее коллективным производством знания, обусловленным необходимостью работать группами с распределенными функциями, но и для гуманитарного знания, в частности философского, где также важны сетевые структуры (интеллектуальные сети, по выражению Р. Коллинза (Коллинз 2002)) и личные, даже семейные взаимоотношения.

Современное видение историко-философского процесса выделяет коммуникационные связи философов и обстоятельства их личной жизни как важный фактор позиционирования их теоретических программ. (Коллинз 2002). Это касается даже классических представителей немецкого идеализма. Как отмечает Р. Коллинз:

История философии есть в значительной степени история групп. Ничего абстрактного здесь не имеется в виду – ничего помимо групп друзей, партнеров по обсуждениям, тесных кружков, часто имеющих характерные черты социальных движений. Возьмите подъем немецкого идеализма, от Канта до Гегеля и Шопенгауэра. Первое, что должно потрясти нас, – это даты: все главные работы располагаются между 1781 («Критика чистого разума» Канта) и 1819 г. («Мир как воля и представление» Шопенгауэра) – 38 лет, то есть примерно длительность одного поколения. Есть и социальное ядро – это Фихте, Шеллинг и Гегель, которые некогда жили вместе в одном доме. Вначале Фихте берет на себя инициативу, вдохновляя остальных на общение, когда они были молодыми студентами Тюбингена в 1790-х гг.; затем благодаря его усилиям Йена превращается в философский центр, где возникает течение, вскоре ставшее знаменитым; затем в бурные 1799-1800 гг. Фихте перебирается в Дрезден, чтобы посещать романтический кружок братьев Шлегелей [...] Позже Фихте направляется в Берлин, вступая в союз со Шлейермахером (также из круга романтиков) и с Гумбольдтом, чтобы основать университет нового типа; сюда в конце концов приезжает Гегель, основывает свою школу, и там же Шопенгауэр читает свои лекции в бесплодном соперничестве с ним. (Коллинз 2002, 47)

Фихте становится, как это называет Р. Коллинз, организационным лидером. Он объединяет интеллектуальные группы, направляет их, хотя

не обязательно подменяет интеллектуального лидера (например, Канта) собой и не конкурирует с ним. С другой стороны, без его активности интеллектуальный лидер не смог бы проявиться и получить известность, а следовательно, оказать влияние на горизонтальную (современники) и вертикальную (последователи) сетевые структуры. Коллинз отмечает:

Дело не в том, чтобы превознести Фихте; у него своя роль в структуре, типичная роль организационного лидера. Движение от группы к группе, нахождение организационных ресурсов и последующее движение к установлению центров всегда типично для людей в такой структурной позиции. Организационный лидер не обязательно является интеллектуальным лидером. Теоретически успешна та группа, в которой присутствуют оба. Это позволяет нам понять роль Канта, который является интеллектуальным родоначальником идеализма, хотя в то же время социально он был несколько отстранен, будучи притом намного старше остальных. (Коллинз 2002, 49)

Таким образом, Фихте «сделал» Канта великим философом. Это означает, что именно он активизировал социальное движение внутри интеллектуального сообщества.

Подход с точки зрения анализа интеллектуальной коммуникации становится особенно важным, когда речь идет о неакадемических типах философствования, предполагающих отсутствие принятых в этом сообществе понятийных норм и «трактатных» традиций оформления текстов. Особая потребность в таком подходе возникает, когда объектом анализа становится общество с нестандартными академическими коммуникационными структурами, например, Россия эпохи Просвещения. Парадоксальны характеристики этой эпохи, получившей название «философского века». Ее представители не упоминаются в представительных «историях философии», и даже отечественные исследователи характеризуют ее исключительно как эпоху усвоения западноевропейских философских влияний. Теоретические взгляды ее мыслителей обычно не удостоиваются не только сколь бы то ни было тщательного анализа, но даже и внимательного прочтения. Отказ от теории и влияний, носящей в данном контексте и явно негативную коннотацию, и использование теории интеллектуальной коммуникации позволили бы сделать исследование данной эпохи более продуктивным. Интеллектуальная элита в данном сообществе представлена главным образом представителями просвещенного нобилитета, а интеллектуальные контакты этого слоя часто пребывали в социально-политическом контексте их деятельности, нося порой подчеркнуто персонологический характер.

Работая с наследием малоизвестных в контексте мировой истории идей российских мыслителей эпохи Просвещения – с А.Т. Болотовым, И.Д. Ертовым, А.М. Белосельским-Белозерским, М.М. Щербатовым, И.П. Елагиным и включая в этот список таких персонажей как И.И. Шувалов и Екатерина II., необходимо исследовать результаты их творчества в контексте личных связей. Иногда эти связи, как, например, Петра I с Лейбницем и Хр. Вольфом; А. Кантемира с Монтескье; И.И. Шувалова с Вольтером, Руссо, Рейналем, Дидро; Екатерины II с Вольтером, Д. Дидро, Ф.-М. Гриммом; Е.Р. Дашковой с Дидро; Д.А. Голицына с Гельвецием, Дидро, Вольтером; Г.Г. Орлова с Руссо и т.п., как бы и не нуждаются в доказательстве значимости, хотя они могли носить непринципиальный и частный характер. Тем не менее для понимания атмосферы эпохи, иерархии интеллектуальных ценностей, мировоззренческих установок, философских предпочтений и т.п. чрезвычайно важен анализ системы коммуникационных контактов. Можно назвать это микроисторией философии, по аналогии с известным методологическим позиционированием важности микроистории, блестяще продемонстрированным в работах К. Гинзбурга (Гинзбург 2000). Для неакадемической культуры важны также интертекстуальные взаимодействия, коммуникационные поля, когда в столкновение приходят не тексты, а контексты и философские идеи могут вычитываться не из специальных трактатов, а из стихов или романов. Как и в эпоху постмодернизма, тексты могли быть неотделимы от человеческой судьбы и непонятны без интеллектуальной биографии автора. Это делает плодотворным применение метода нового историзма, определяемого А. Эткиндым в статье, вызвавшей большую дискуссию на страницах журнала *НЛО*, как «история не событий, но людей и текстов в их отношении друг к другу» (Эткинд 2001, 4). Его методология сочетает интертекстуальный анализ, дискурсивный анализ, размыкающий границы жанра, и биографический анализ (там же). Применительно к эпохе Просвещения можно было бы назвать такой подход новым дивизмизмом (Артемова 2005), предполагающим ряд специфических приемов для анализа просвещенческих моделей философствования. Это:

- междисциплинарный характер исследования, предполагающий сопоставление различных областей культуры и, соответственно, привлечение исследовательских методик из разных гуманитарных областей;
- компаративный характер исследования, учитывающий интенсификацию движения идей и использование чужого опыта как необходимый компонент формирования собственной идентичности;
- иерархически-приоритетный характер исследования, когда в первую очередь изучаются доминирующие культуропорождающие

факторы. Применительно к России это дворянская культура, переживавшая в ту эпоху свой «золотой век»;

- персонологическая направленность исследования, выявляющая мировоззрение ключевых фигур эпохи.

История философии как сфера интеллектуального самовыражения требует особой квалификации. Она требует исторической достоверности и умозрительного отстранения. Возможно, исследование ее как системы интеллектуальных коммуникаций позволит несколько уравновесить эти крайности.

Л и т е р а т у р а

- Артемьева Т.В. 2003. «Науки о человеке в первых изданиях Британской энциклопедии», *Человек*, 6, 70-85.
- 2005. *От славного прошлого к светлому будущему. Философия истории и утопия в России эпохи Просвещения*, СПб.
- Дарнтон Р. 2002. *Великое кошачье побоище и другие эпизоды из истории французской культуры*, М.
- Гинзбург К. 2000. *Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI веке*, М.
- Елизаров В.П. 2000. «Республика ученых»: социальное пространство 'невидимого сообщества', Ю.Л. Качанов, А.Т. Бикбов (ред.), *Пространство и время в современной социологической теории*, М., 104.
- Ключевский В.О. 1913. «Воспоминание о Н.И. Новикове и его времени», *Очерки и речи*, М., 249-283.
- Коллинз Р. 2002. *Социология философий: Глобальная теория интеллектуального изменения*, Новосибирск.
- Луман Н. 2005. *Медиа коммуникации*, М.
2001. *Новая философская энциклопедия*, т. II, М.
- Строев, А. 2004. «Моя чернильница меня убьет»: эпистолярные досуги Фридриха Мельхиора Гримма», *НЛО*, 69 (электронный ресурс).
1994. В.М. Богуславский (ред.), *Философия в «Энциклопедии» Дидро и Даламбера*, М.
- Эткинд А.М. 2001. «Новый историзм, русская версия», *НЛО*, 47, 7-40.
- Darnton R. 1979. *The Business of Enlightenment. A Publishing History of the Encyclopédie 1775-1800*, Cambridge, London.
- De Solla Price D.J. 1963. *Little Science, Big Science*, N. Y.